Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (23), 2023.
Рецензия / Review
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-247-255
https://elibrary.ru/FIEOVM

© 2023. Татьяна Ковалевская
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

О человеке, его личности и тайне и о ее разгадках
Рецензия на монографию Т.А. Касаткиной «“Мы будем — лица”. Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского». М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

© 2023. Tatyana V. Kovalevskaya
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

On the Human Being, Personality and Mystery, and its Solutions
Review of: Kasatkina, T.A. *“We Will Be Faces/Persons...” An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky’s Works.* Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p.

Информация об авторе: Татьяна Вячеславовна Ковалевская, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой европейских языков Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-0527-2289
E-mail: tkowalewska@yandex.ru

Аннотация: Рецензия посвящена монографии Т.А. Касаткиной «“Мы будем — лица”. Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского». Основной предмет книги — религиозно-философская антропология Достоевского и способы ее постижения, т.е. принципы анализа художественного текста и уровни его интерпретации и комментирования. Произведения Достоевского анализируются в широком типологическом литературном и культурном контексте.

Ключевые слова: антропология, философия, богословие, комментарий, образ.

Для цитирования: *Ковалевская Т.В.* О человеке, его личности и тайне и о ее разгадках. Рецензия на монографию Т.А. Касаткиной «“Мы будем — лица”. Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского»// Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 247–255. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-247-255

Information about the author: Tatyana V. Kovalevskaya, DSc in Philosophy, Associate Professor (VAK), Chair, European Languages Department, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Miusskaia Sq. 6, 125993 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0527-2289

E-mail: tkowalewska@yandex.ru

Abstract: The review treats Tatiana Kasatkina's monograph *"We Will Be Faces/ Persons..." An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works.* The book focuses on Dostoevsky's religious and philosophical anthropology and the means of teasing it out of the texts, i.e. on the principles of analyzing the writer's text and on the level of its interpretation and commentaries. Dostoevsky's works are analyzed in an extensive typological context that spans literature and broadly construed art.

Keywords: anthropology, philosophy, theology, commentary, image.

For citation: Kovalevskaya, T.V. "On the Human Being, Personality and Mystery, and its Solutions. Review of: Kasatkina, T.A. *'We Will Be Faces/Persons...' An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (23), 2023, pp. 247–255. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-247-255

Новая книга Т.А. Касаткиной «“Мы будем — лица”. Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского» представляет собой крайне нужное, актуальное и полезное исследование на данном этапе как изучения творчества писателя, так и развития литературоведения в частности и гуманитарных наук в целом. Хотя ее тема заявлена как чтение Достоевского, ее важность и нужность выходят за пределы обозначенной темы. Основным предметом ее является художественная религиозно-философская антропология Достоевского, неразрывно связанная с его особым способом богословствования в образах.

Во введении автор декларирует отказ от первоначально предполагавшегося разделения теории и аналитики, и это предвещает очень существенную и кардинально важную черту данной книги — автор принципиально, то, что по-английски называется unapologetically, не следует в фарватере литературоведческой и гуманитарной моды, если эта мода вынуждает отходить от истины текста и истины вообще.

Уже само предположение о наличии в тексте фиксированного смысла, который хотя бы теоретически можно понять до конца, является революционным для нынешней гуманитарной науки, где смыслопорождение — задача человека, воспринимающего произведение искусства или науки, и «умерший» автор не имеет права требо-

вать от читателя нахождения определенного смысла в своих текстах («Смысл произведения порождается зрителем», — объяснил автору рецензии известный специалист по современному искусству, стоя перед картинами Новой Третьяковки; честно мыслящий человек вслед за таким утверждением должен задаться вопросом о том, зачем тогда нужны науки об искусстве, а в пределе — зачем вообще нужно искусство, потому что для такого порождения смыслов нужен только солипсистический субъект, который может быть закуклен в себе и порождать все смыслы изнутри себя для собственного потребления, ибо иное невозможно, потому что в такой системе невозможна сама передача смыслов; но, по понятным и далеким от искусства и науки причинам, такое логическое завершение мысли никогда не будет сделано). В этом отношении принципиальную важность для Т.А. Касаткиной имеет следующее высказывание Достоевского: «Чем познается художественность в произведении искусства? Тем, если мы видим согласие, по возможности полное, художественной идеи с той формой, в которую она воплощена. Скажем еще яснее: художественность, например, хоть бы в романисте, есть способность до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимал ее, создавая свое произведение», цит. по: [Касаткина, 2023, с. 33]. Таким образом, нахождение определенного смысла не является насилием над текстом — наоборот, оно свидетельствует о том, что исследователь следует автору, которого изучает, и в своей работе делает именно то, чего хотел автор. Примат замысла автора над мыслью исследователя — другое теоретическое положение ключевой важности в текущем, почти солипсистическом поле науки. Уже само название книги, где фигурирует столь важная для Достоевского цитата, важно тем, что благодаря этому названию в центре внимания оказываются лица, человеческие личности, за каждой из которых признается не только общая для всех человечность, но и собственная индивидуальность. В цитируемой записи Достоевского рисуется идеальная будущая модель причастности одного всем без утраты собственного «я». Может показаться, что реальность и важность личности — вещь очевидная, но это далеко не так в мире современных гуманитарных наук, где признание за автором по умолчанию субъектности считается моветоном. Вопрос о том, что же остается от автора (и от любого человека), если мы не признаем за ним столь базового качества, не ставится.

Еще одно, очень важное теоретическое положение книги, имеющее значение для литературоведения в целом, — определение реалии и, следовательно, роли и важности реального комментария к художественному произведению. В главах «Что есть реалия? Проблемы реального комментария» и «Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок» делается крайне значительное утверждение о том, что «реальный комментарий без осмысления иного статуса реалии оказывается катастрофическим для символистских (или даже — символических, каковы практически все вершинные произведения искусства) текстов» [Касаткина, 2023, с. 17]. Мысль о том, что вершинные произведения искусства, т.е. то, что мы называем великой литературой, живописью и т.д., существуют и постигаются на уровнях нескольких взаимосвязанных и взаимодействующих между собой реальностей, и утверждение, что девиз русского символизма, сформулированный Вячеславом Ивановым, «a realibus ad realiora», распространяется на все «вершинные» произведения искусства, крайне важен для литературоведения, где а) реальный комментарий часто представляет собой священную и, главное, совершенно самодостаточную корову; б) определения течений, направлений, родов, жанров и т.д. составляют некую жесткую систему, в рамках которой слова и фразы «символизм» и «многоуровневость реальности» категорически нежелательно и профессионально неверно применять, например, к «реализму». В анализе работы «Легенда о зеленой палочке» Б.М. Эйхенбаума и статьи «Стихотворение О.Э. Мандельштама “Золотистого меда струя из бутылки текла...” (Опыты реального комментария)» В.П. Казарина, М.А. Новиковой и Е.Г. Криштоф [Касаткина, 2023, с. 15–29] прекрасно показано, как реальный комментарий сужает текст до литературного «междусобойчика» (термин автора рецензии), факта внешней, физической биографии, который вряд ли будет иметь важность для людей с иной внешней биографией.

Анализ упоминания «Адрианополя» в «Преступлении и наказании» приводит Т.А. Касаткину к мысли о том, что внешняя реалия должна вести, иногда через собственное отрицание, к постижению внутреннего, высшего смысла, и это теоретическое положение важно не только для Достоевского. Здесь можно вспомнить, например, средневековый германский эпос от «Беовульфа» до «Песни о нибелунгах». Необыкновенное количество чернил, буквальных и фигуральных, было потрачено на то, чтобы найти исторические корни

событий и исторических прототипов героев. Но редко когда (если вообще когда бы то ни было) поиск прототипов сопровождается вопросом о том, что это занятие, без сомнения крайне увлекательное, дает для понимания глубинных смыслов обоих произведений. Смею сказать, что зачастую это только отдаляет читателя от текста, сводя последний к предположительно реальным перипетиям любовно-политических баталий предводителей либо давно сгинувших, либо никогда не существовавших королевств. Но, подобно анализу упоминания «Адрианополя», сравнение исторического зерна (для «Песни», например, это гибель королевства бургундов под натиском гуннов) и его развития в позднесредневековом тексте показывает трансформацию и мифологизацию исторических событий, что, собственно, и помогло им оставаться в памяти на протяжении столетий. И хотя «Песнь о нибелунгах» выстроена вокруг иных типов реальности, нежели произведения Достоевского, принцип их многоуровневости и принципиальной несводимости к «реальной» реальности остается неизменным. Таким образом, теоретическое осмысление реалии у Т.А. Касаткиной становится весьма актуальным принципом работы с любым «вершинным», т.е. «символическим», текстом.

В аналогичном модусе в книге переосмысляется понятие факта биографии, и представление о жизнетворчестве (хотя этот термин в книге не фигурирует) распространяется на Достоевского и, по аналогии с ним, на авторов всех текстов того типа, который является предметом рассмотрения Т.А. Касаткиной.

Уже из кратких упоминаний множества имен в этой рецензии становится ясно, что автор книги рисует весьма широкую картину литературного процесса. Здесь фигурируют Толстой, Блок, Боратынский, упоминаются множество других текстов, как литературных, так и кинематографических, иногда весьма неожиданных, например «Флатландия» [Касаткина, 2023, с. 310] или «Мир дикого запада» [Касаткина, 2023, с. 152], рассматривается значительный ряд живописных произведений. Возможно, кто-то скажет, что такая эклектика несколько неожиданна в книге, посвященной Достоевскому, даже неуместна. С моей точки зрения, наоборот, та естественность, с какой автор книги о Достоевском включает в свой текст отсылки к целому спектру текстов, как предшествующих, так и последующих Достоевскому, созданных в разных формах, от книг до кинематографа, показывает верность подхода, который способен *естественно* инкорпорировать широкий размах культурного

опыта, рожденного культурными явлениями, возникшими как до, так и после исследуемого автора. Подобно тому, как Достоевский не существовал в культурном вакууме, так и его читатели и исследователи обладают своим культурным багажом, и если понимание Достоевского связывается со всей полнотой как культурного, так и жизненного опыта его читателей, естественным образом включается в нее, то это, во-первых, соответствует природе гуманитарного знания, а во-вторых, показывает верность избранного метода и получаемых результатов. Подобно тому, как человек и человечество есть некое целое, так и культурный опыт невозможно членить на «Достоевский»/«не-Достоевский», а если такое членение происходит, то где-то в осмысление этого опыта закралась принципиальная ошибка.

Кроме того, подобный охват текстов выводит литературоведческую проблематику на уровень типологических сравнений и обобщений. А.В. Яковлев, выступая на XXVI Ефремовских чтениях в 2023 году и подходя к текстам И.А. Ефремова с позиций одновременно лингвиста и литературоведа, с сожалением отмечает, что характерные для лингвистики типологические исследования гораздо меньше распространены в литературоведении [Яковлев, 2023]. И действительно, в литературоведческой среде подобные труды представляют менее популярный жанр, нежели работы, основанные на жестко доказанных фактах знакомства одного автора с творчеством другого. Но замечание А.В. Яковлева о том, что в других науках типологические изыскания, напротив, распространены весьма широко, помогает увидеть важность таких работ как зачастую единственного способа понять суть и своеобразие каждого индивидуального явления в ряду типологически сопоставляемых феноменов. Книга Т.А. Касаткиной показывает, как типологические по сути своей сопоставления демонстрируют и уникальные свойства творчества Ф.М. Достоевского, и его непреходящую актуальность для жизненного пути его читателей.

И это замечание подводит меня к предпоследней части рецензии. Через весь обширный ряд привлекаемых текстов и авторов Т.А. Касаткина ни разу не теряет из виду основной предмет своей книги: религиозно-философскую антропологию Достоевского. Ближе к концу книги она приводит знаменитую цитату из письма Достоевского брату, где антропология утверждается главным смыслом и целью его творчества и жизни: «Человек есть тайна. Ее надо раз-

гадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 63]. И далее, как она указывает, вопреки нынешней литературной традиции, формулирует разгадку, предложенную Достоевским: «На недавнем международном круглом столе, посвященном 200-летию со дня рождения Достоевского, одном из очень многих, проходивших в 2021 году, ведущий спросил нас: разгадал ли Достоевский эту тайну? Как обычно, участники стали говорить, что дело не в разгадке, а в разгадывании, не в ответе, а в вопросе, не в месте назначения, но в направлении движения (видимо не замечая, что повторяют подпольного парадоксалиста, который совсем не был последним словом Достоевского). Когда очередь дошла до меня, я честно сказала, что загадку человека Достоевский разгадал и разгадку от читателей не скрыл» [Касаткина, 2023, с. 396]. Добавлю еще одно замечание — акцент на процессе, а не итоге ставил еще Фауст Гете, который «приходит к финалу своего пути отнюдь не преображенным: это такой же мерзавец, каким он был с самого начала. <...> В момент, когда он ослеп из-за дуновения Заботы, Фауст начинает финальную этическую деградацию. <...> Несмотря на долгий пройденный путь, Фауст ничему не научился, и он по-прежнему остается человеком, сконцентрированным на своей воле и своих целях. Все остальное вокруг него — это материал и инструмент» [Доброхотов, 2016, с. 403–404]. Таким образом, повинуясь современным культурным клише и утверждая примат достигания над достижением, исследователи вписывают человека Достоевского в формат фаустианского эгоиста и призывают его читателей быть такими же. Вопреки современному научному диктату, в книге Т.А. Касаткиной делается еще одно радикально немодное, но очень актуальное утверждение о том, что в творчестве Достоевского есть результат. Есть разгадка. Есть образ человека и модус человеческого бытия, к которым человек должен стремиться. И на протяжении книги подчеркивается эта разгадка: «<...> современный человек роковым образом ошибается в определении собственной мерности, размера, состава и конфигурации. В своих желаниях и поступках он исходит из присутствующего в его сознании ложного собственного образа, ложного видения себя как ограниченного своим собственным телом и отграниченного от всех остальных людей, из видения других как своих соперников и претендентов на тот же ресурс, а не как открывающих для него новые пространства и возможности, без

них и вне их просто не существующие, а следовательно — радикально ошибается как в определении своих истинных выгод, так и опасностей на своем пути. Вплоть до того, что самое опасное для себя он склонен считать наиболее выгодным, а самое выгодное — вообще не входящим в круг его жизненных интересов или ущемляющим эти интересы» [Касаткина, 2023, с. 396–397].

Таким образом, Достоевский становится не просто актуальным и востребованным, он становится нужным современному человеку в мире атомизированного человечества. Актуальность Достоевского — в настойчивом признании ценности и всеобщности человечности, свойственной всем, в утверждении необходимости взаимного раскрытия друг другу без потери своей индивидуальности, что подчеркивает цитатой в заглавии книги: «Мы будем — лица», продолжение которой — «не переставая сливаться со всем» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 174]. В книге Т.А. Касаткиной этот фрагмент цитируется на с. 109, 112, 113, 118, 171 прим., 182, 194, 244, 337, 383, 398, что акцентирует последовательность проведения центральной мысли исследования на всем его протяжении. Даже если читатели не согласятся с *религиозной* антропологией Достоевского, они не смогут возразить против его *антропологии*, потому что всякое возражение будет неминуемо расчеловечивать человека.

Но, хотя книга дает ответы, она, подобно Достоевскому, который рассчитывал на усилия своих читателей, оставляет место для новых размышлений. Книга заставляет читателя, склонного к философскому теоретизированию, задаться рядом вопросов. Одна из ключевых форм желаемого бытия антигероя Достоевского — человекобожие. «Если вы застрелитесь, то вы станете богом, кажется так?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 468]. Нет ли в таком случае потребности отметить, что антигерой Достоевского не просто вписывается в противопоставление христианство-язычество, но и утверждает другую оппозицию — христианство vs. антропотеизм, где человек ошибается в восприятии своей мерности, в том числе, преувеличивая свой масштаб, позиционируя себя как самодостаточный феномен, отдельный от христианского Бога, а затем и отрицает человечность других людей как «тварей дрожащих»?

Но эти вопросы только раскрывают другие грани религиозно-философской антропологии Достоевского, центром которой, несомненно, как показано в книге Т.А. Касаткиной, являются взаимоотношения человека с Богом и с другими людьми, образующие

треугольник, из которого нельзя изъять ни одну сторону и где можно прийти не только от любви к Богу к любви к человеку, но и от любви к человеку к любви к Богу.

Таким образом, книга Т.А. Касаткиной — не только важный этап в изучении творчества Достоевского, но и своевременное напоминание и практическая иллюстрация того, какими должны быть, зачем существуют и что могут сделать для человека и общества гуманитарные науки.

Список литературы

1. Доброхотов, 2016 — *Доброхотов А.Л.* Адорно о спасении Фауста // *Доброхотов А.Л.* Телеология культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 401–412.

2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

3. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

4. Яковлев, 2023 — *Яковлев А.В.* К вопросу о композиционном и идейно-художественном единстве произведений И.А. Ефремова о далёком будущем в восприятии наших современников // XXVI Ефремовские чтения. 22 апреля 2023 г. URL: https://vk.com/club175279864?w=wall-175279864_1633%2Fall (дата обращения:10.05.2023).

References

1. Dobrokhotov, A.L. “Adorno o spasenii Fausta” [“Adorno on the Salvation of Faust”]. *Teleologiia kul’tury* [*The Teleology of Culture*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2016, pp. 401–412. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Kasatkina, T.A. *“My budem — litsa...” Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [*“We Will Be Faces/Persons...” An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky’s Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

4. Iakovlev, A.V. “K voprosu o kompozitsionnom i ideino-khudozhestvennom edinstve proizvedenii I.A. Efremova o dalekom budushchem v vospriiatii nashikh sovremennikov” [“On the Compositional and Ideological-Artistic Unity of I.A. Efremov’s Works about the Distant Future in the Perception of Our Contemporaries”]. *XXVI Efremovskie chteniia* [*26th Efremov Readings*], 22 Apr. 2023. Available at: https://vk.com/club175279864?w=wall-175279864_1633%2Fall (Accessed 10 May 2023) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023
Одобрена после рецензирования: 22.06.2023
Принята к публикации: 23.06.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 13 June 2023
Approved after reviewing: 22 June 2023
Accepted for publication: 23 June 2023
Date of publication: 25 Sept. 2023